
Ни с того ни с сего поутру,
чуть стесняясь себя, я заплакал.
Может, Ангел провёл по нутру,
Словно ветер по стенам барака,

вдруг ладонью.

Иль что там у них
вместо рук, у посланников Божьих?..
Ни похмелья, ни мыслей дурных —
как проснулся — не чувствовал кожей.

Но заплакал...

И, глядя на свет
сквозь окно, улыбался кому-то.
Точно видел во сне: смерти нет!
Есть другое, Небесное, утро.

Снег ложится, как пепел на столик
 В привокзальном кафе «Третий Рим».
 А в снегу — у кафе — алкоголик,
 Будто так и задумано им.

Вьётся пар над макушкой без шапки.
 Или след уходящей души?
 Семят мимо бабы и бабки:
 Дома ждут их свои алкаши.

Смена кончилась, и в окнах «Рима»
 Гасит лампы ночной продавец.
 Не видать над пьянчугою дыма:
 Тоже — видимо — смене конец.

Тяжелеют на холоде веки,
 Будто так и задумано им...
 Замерзают зимой человеки
 По дороге в Иерусалим.

Глаза

На веках у почивших пятаки.
 У мёртвых деревень глаза открыты.
 Их не прикрыли дети-сибариты,
 Как от огня, сбегая от сохи.

Но если заглянуть — душа жива!
 Что у иной не встретишь новостройки.
 Безвременно погибшие посёлки:
 У всякого церквушка, как вдова.

А памяти в стенах — на сто ветвей!
 Да только вся распущена на нитки.
 Листок, и тот, цепляясь за калитку,
 Краснеет временами за людей.

Мы прикрываем деньгами глаза
Живых и мёртвых, потому что страшно
Увидеть в них застроенную пашню,
Где из-за камня не горит звезда.

Хождение за три горя

К собственной беде не привыкают.
С ней живут — не могут без неё.
В храм идёшь или в кафе, скучая,
А беда ползёт к тебе змеёй.

«Господи, за что беда такая!» —
Что это, молитва иль нытьё?
Умер Авель, стал бедою Каин,
И беда не зарастёт быльём.

Разделяет с ближними не море,
Не коронавирус и не МРОТ.
А беда... Живу я с нею, споря,
Чтоб понять, как весь честной народ.
За бедой не ходят за три горя,
По любви сама к тебе придёт.

Точно много лет назад,
вёдрами
из колодца воду в дом
маленький
я ношу, когда снега —
ордами.
Я ношу, когда цветок —
аленький.

Всё проходит! Ничего
нового:
тут в дерьме, а там — в меду
улицы.
Но у Севера – отца
Строгого —
Корни крепкие и не
рубятся.

Знаю, горькие церковей
луковки,
Знаю, узкая в снегу
тропочка.
Станет жарко, расстегну
пуговики.
Станет зябко, покурю
в топочку.

Всё проходит! Ничего
нового.
Снова щёки у Христа
впалые.
Я цветы тому, кто мне
дорог был,
На могилу положу
алые...

Солнце плещется в ведре
рыбкою.
Загоржусь уловом, как
маленький.
И качается земля
зыбкою.
И о валенок стучу
валенком.